Главная партия для третьей скрипки

Автор:
Анна и Сергей Литвиновы

Главная партия для третьей скрипки

Анна и Сергей Литвиновы

В Новый год обычно начинаются перемены. Арина загадала желание под бой курантов, однако оно сбылось слишком быстро и с очевидным перебором… Жизнь девушки вдруг начала меняться – сначала постепенно, а затем с головокружительной скоростью. Началось все довольно паршиво: ее чуть не задавил на машине какой-то хлыщ. Но хлыщ обернулся прекрасным рыцарем, а судьба понеслась бешеным аллюром. И вот она, скромная третья скрипка в захудалом оркестре, становится администратором теннисной академии во Флориде. Ее ревнуют роковые красавицы на лимузинах, ее благосклонности добиваются удивительные мужчины, а самой Арине приходится отстаивать свою новую работу, любовь, а вскоре даже собственные свободу и жизнь…

Анна Витальевна Литвинова

Главная партия для третьей скрипки

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Сколько власти и влияния ни имей – умирать все равно приходится.

За ним смерть пришла в Новый год. Кругом суета, мишура, счастливые лица. А у него с каждым взрывом петарды остается все меньше сил. Собственный голос становится все тише. Разноцветное сияние гирлянд сливается в бесформенное пятно.

Жаль было умирать. Опыт, умения, мудрость, что накопил за долгую жизнь, – куда все уйдет? «Останется в близких, в детях, в команде» — болтовня это. Сын добросовестно притворяется, что слушает наставления, но живет своим умом. И обязательно совершит те ошибки, что и он сам когда-то. Так устроен мир. Переделывать бесполезно.

Обжигающе холодные звезды смотрели в глаза, прощались. Сын сидел рядом, как положено, держал за руку. Но ладошка подрагивала: чувствовалось – не терпится ему сорваться. Побежать, зашуметь, закричать. Скоро все закончится! Он станет здесь главным!

Отец закрыл глаза. Силы покидали, время торопливо бежало к полуночи. Вот-вот перед мысленным взором пронесется собственная жизнь – от рождения до последних минут. Быстрая, безжалостная перемотка. И не вклиниться в нее, не изменить. Все обиды видишь, что нанес, все глупости, все бездарно убитое время.

Старик терпеливо ждал последнего кино. Но вместо него вдруг увидел коробочку-комнату. Одну из миллионов комнат, что прячутся за окнами обычных домов. Ковер на полу, в уголке елка. Под елкой пластмассовый дед-мороз. За накрытым столом две женщины: мать и дочь. Провожают старый год, по глоточку прихлебывают шампанское.

– Давай, милая, выпьем. Нормальный год был. Пусть уходит спокойно. – Поднимает бокал мать.

– Да ну, – морщит нос взрослая дочь. – Скучный. И ничего хорошего не случилось.

– А что тебе надо? Все живы – и слава богу.

Дочь – обручального кольца нет – скептически тянется чокаться.

Комната вдруг тонет в снежном вихре. И старик отчетливо – как всегда перед смертью – понимает: мама с дочкой доживают последние спокойные часы. Очень скоро именно это скучное бытие будет разбито. В осколки и прах. До чего жаль обеих! Но помочь он уже не мог.

Дышать становилось все труднее, горло перехватил спазм.

– Позаботься о них, – с трудом вырывается у него.

Сын, глядя в глаза, равнодушно кивает:

– Да, папа.

Где-то далеко начинают бить куранты. Над столицей и окрестностями поднимается радостный рев, хлопают шампанские пробки, юные дурочки поджигают бумажки с желаниями.

И точно в этот момент перед глазами старика вспыхивает бенгальским огнем его собственное бытие, от рождения до смерти. А из немощного тела уходит жизнь.

* * *

Арина Горошева прикурила сигарету. Дым бултыхнул в легкие, пронзил мозг. Как хорошо! Затянулась еще раз – жадно, с самого утра не курила.

Город предвкушал Новый год. Таджики отчаянно зазывали на елочный базар – тридцать первого вечером, поздновато. Витрины мигали, не жалея электричества, и даже чахлый «Металлоремонт» украсил окно гирляндой.

Но Арина радовалась сигаретке куда больше, чем грядущему празднику. Просто чудо, что им не хватило майонеза. Мама разворчалась, назвала дочь разгильдяйкой – зато отправила в магазин!

– Только пулей, Аришка, пулей. Девять часов, пора старый год провожать!

Окна квартиры выходили на улицу, и девушка покорно изобразила поспешную ходьбу, почти бег. Не сомневалась: мама стоит у окна, смотрит вслед.

Но завернула за угол и сразу сбавила обороты. Тридцать первое, вечер, многие что-то забыли купить к праздничному столу. На очередь в магазине можно хоть полчаса списать.

Она с сожалением затоптала окурок. Задумалась: выкурить еще одну? Надо накуриться всласть, больше ведь в старом году не получится. Но смолить подряд не слишком вкусно, да и мама может учуять. Нотации читать перестала, зато глупыми фактами из Интернета давит с удовольствием. «До половины курящих женщин жалуются, что не смогли сделать карьеру». Охота была слушать глупости.

Арина сунула в рот жвачку. Помимо покупки пресловутого майонеза предстоял целый ритуал. Сначала, минут пятнадцать, жуешь резинку. Потом разгрызть кофейное зерно. На закуску – «Антиполицай».

С одной стороны, смешно: в тридцать два года прятаться от мамы. Зато те девчонки в оркестре, что живут без призора, по две пачки в день выкуривают. А ей удается держаться – на уровне семи сигареток. Или вообще двух – как сегодня.

Арина до сих пор – и всегда! – жила с мамой. Отец умер совсем молодым. Мама уверяла: подобных мужчин – красивых, мужественных, добрых – больше не существует. Аришка, пока была девчонкой, верила на слово. Стала постарше – подолгу разглядывала отцовское фото. И начала сомневаться. Лицо у папы обычное, скуластое, неприветливое. И работал всего-то мастером на железной дороге. А мама – на полном серьезе! – его с Бельмондо сравнивает. Из фильма «На последнем дыхании».

Арине – вероятно, фамильная черта! – тоже нравился этот французский артист. Но вот с отцом у Бельмондо, по ее мнению, не имелось решительно ничего общего. Жан-Поль – бог. Папочка – обычный, русский трудяга. Судя по маминым оговоркам, еще и выпивал.

Впрочем, поспорить Арина все равно не могла. Родителя она не видела – тот умер за месяц до ее рождения.

А отчима мама в дом так не привела. Потому всю жизнь было у них дома женское царство.

И с мальчиками у Арины отношения не клеились.

Детство, юность, студенчество прошли крайне скучно. Одноклассницы влюблялись и целовались. Одногруппницы отдавались и выходили замуж. А у нее ни единого серьезного романа.

Нельзя сказать, что она была полным изгоем. Скорее, товар пониженного спроса. Недодали ей: красоты, аппетитности, остроумия. Фигура нескладная – мама ласково называла «коряжкой». Лицо блеклое, губы ниточкой, глаза, словно у кошки – желтые. Но главное: уверенности в себе не хватало. А сама на мужиков вешаться, как иные крокодилицы делают, не хотела. Да и мама постоянно долдонила: нельзя себя первому попавшемуся отдавать.

На последнем курсе музыкального училища Арина, однако, решила: получать диплом девственницей – совсем несовременно. Ну, и улыбнулась однажды такому, как сама, бедолаге. Очкарик, дохлячок. Да еще на отделении духовых инструменов учился, а всем известно, что туда самых бесталанных прилаживают.

Очкарик от ее внимания воспрянул, закружил гордым павлином. На первом свидании тарахтел: любовь, навсегда, надо ехать к нему домой. Арина тряслась от страха, но терпеливо вынесла: лизание в прихожей, хватание за грудь. На диван оба упали почти красиво, но дальше пошло хуже. Вместо оргазма со звездами – неумелое тыканье. Ощущение, будто внутрь карандашик засовывают. А когда действо закончилось, о любви больше ни слова. Очкарик пружиной вылетел из постели, лихорадочно расправлял покрывало, бормотал: «Родители скоро придут».

Арина ушла с удовольствием. И с удовольствием забыла бы про смешную свою «любовь». Только через пару недель она почувствовала себя плохо. Сначала испугалась: забеременела. С первого и единственного неудачного раза. Однако ни тошноты, ни головокружения, ни ощущения, что внутри новая жизнь. Она долго боялась идти к врачу. А когда решилась, приговор ошарашил. Интеллигентный очкарик заразил ее гонореей.

Арина рыдала, доктора утешали: «Радуйся, что не СПИД».

Лечить дурную болезнь оказалось долго и неприятно. Но главный побочный эффект: девушка окончательно уверилась в том, что мужчины – абсолютное зло. Смотрела теперь на сильный пол – словно злющая кошка на собаку. Какие там романы – в ответ на маленький комплиментик сразу щетинилась. Хотя коллектив у них далеко не монастырь.

Арина, по настоянию мамы, закончила сначала музыкальную школу, затем училище и теперь работала в оркестре. Второразрядном – в основном по домам культуры выступали – но все равно богема! Вольные нравы. Трубачи, барабанщики, короли контрабаса юным скрипачкам прохода не дают. Постоянно вокруг шебуршение, романы, измены и свадьбы.

Одна Арина, после того как резко отшила одного, другого, третьего, была свободна от посяганий. И даже дирижер (у него все цыпочки и козочки) остерегался оглаживать вечно хмурую третью скрипку по тощей попе.

Мама замуж не торопила. Но в последние пару лет забеспокоилась. Минимум раз в неделю (впрочем, довольно вяло) говорила: что нужно решать вопрос с личной жизнью, ребенка заводить.

Дочь хмуро бурчала в ответ:

– Не хочу.

Однажды, впрочем, попыталась найти себе пару через сайт знакомств. Но там врали – куда похлеще очкарика с его гонореей. Арина честно выложила свое реальное фото и поначалу удивлялась: почему на нее, самую обычную, сплошь писаные красавцы клюют? Пару раз соглашалась пойти на свидание, стояла у памятника Пушкину, с надеждой вглядывалась в мимо идущих. Но к ней подкатывали – вместо брутальных самцов! – кривоногие, потертые дядьки. Да и те редко брали на себя труд хоть цветочек подарить или комплимент сказать. Сразу к себе тянули или въедливо выспрашивали: «А ты москвичка? Своя квартира есть?»

Коллеги по оркестру советовали: забыть про замуж и заниматься сексом «для здоровья». Однако Арину на разгул не тянуло. Организм не требовал, а насильно

себя заставлять – какой смысл? Чем терпеть обжимания и чьи-то слюни, куда милее – завалиться на диван. Включить телевизор, грызть семечки, болтать с мамой.

Изредка их слаженный дамский коллектив разбавлял дядя Федя. Друг семьи. Мужчина с импозантной сединой. Довольно известный юрист. Когда-то он помогал маме решать наследственное дело. Пока двигались вместе через пару судов, нашли у себя много общего и сдружились. Но Арина подозревала: у родительницы с ним роман. По крайней мере, дядя Федя на Бельмондо был похож больше, чем родной папочка.

Но внешне и мама, и дядя Федя держались как добрые знакомые. Речи вели без капли фривольности. Любили на пару давать Арине советы. Дядя Федя безропотно выполнял в их доме традиционно мужские работы: чинил розетки, вешал ковры, люстры. А еще он был далеко не бедным. И давно завоевал право дарить им обеим дорогие подарки. Снабжать ананасами, авокадо и черной икрой.

Арина никому не признавалась, что ей очень нравится этот мужчина. Но дядя Федя держался с ней исключительно дружески. А девушка сравнивала себя с ним и понимала: шансов нет. Он – красив и успешен. Она – ноль без палочки. Да и мама однажды припечатала: «Не стыдно глазки строить? Дядя Федя тебе в отцы годится!»

Арина вздохнула. Вошла в магазин, долго гадала, в каком отделе искать майонез (обычно покупками она не занималась). В очереди на кассе к ней подкатил пьяненький подросток. Уставился, как загипнотизированный, в ее желтые глаза. Потом одухотворенно молвил:

– С Новым годом! Пусть все мечты исполнятся!

Арина, в честь праздника, не стала привычно буркать, чтоб отстал, и даже неуверенно улыбнулась. Малолетка просиял, придвинулся ближе:

– Пива возьмешь? А то мне не продают.

Она отвернулась.

Подросток не обиделся, переместился в конец очереди, начал обольщать двух подвыпивших тетенек. Те заливисто хохотали в ответ на его неумелые комплименты. И не просто в положение вошли, а еще (Арина подслушала) собрались за пиво из собственных карманов платить.

«Вот позвоню сейчас и сообщу, что несовершеннолетним спиртное продают», – разозлилась она.

Даже сфотографировала телефон горячей линии, и взялась его набирать – но потом звонок сбросила. Праздничный вечер. Кому сейчас дело до подростка с его пивом? Да и зачем под новый год подставу затевать? Что она – баба-яга какая-то?

Впрочем, ее очень часто бесили сущие мелочи. Плохой запах в маршрутке. Дядька с полосатой сумкой в метро. Рекламные проспекты на полу в подъезде. Глупое хихиканье девчонок на автобусной остановке.

«Когда секса нет – тетки всегда злые», – уверял барабанщик из их оркестра.

Может, он и прав.

Но загадывать под бой курантов желание: найти себе мужа – она не станет. Все равно не сбудется. Сколько раз уже пробовала.

* * *

Мама – настоящий электровеник. Пока Арина ходила в магазин, успела и мясо в духовке запечь, и бутерброды икрой намазать.

Стол в большой комнате перед телевизором оказался полностью накрыт. Елка мигала огнями. На экране Ипполит в зимнем пальто и шапке принимал душ.

Арина поморщилась. Мама перехватила ее взгляд, кивнула:

– Тоже не люблю.

Взяла пульт, переключила: дядьки в бабских платочках острят, зрители заученно смеются.

– Еще хуже, – буркнула Арина.

Мама спорить не стала. Вдруг предложила:

– А давай «Профессионала» посмотрим!

За стенами у соседей пели, смеялись. Телевизоры грохотали одинаковой новогодней программой. А мама с дочкой почти до полуночи любовались великолепным Бельмондо.

Арина привычно всплакнула, когда тело героя пробили пули.

Мать вздохнула:

– Был бы твой отец жив!

Арина улыбнулась:

– А кто лучше: папа или дядя Федя?

– Ну, каков Федор в быту – я не знаю, – безапелляционно отозвалась мать. – Он у нас, скорее, роль играет. Спаситель, хранитель. А что под оболочкой скрыто – кто ведает?

Арина не стала спорить. Но подумала: будь дядя Федя тираном – вряд ли бы его единственная дочка, пару лет назад перебравшаяся в Англию, каждый год уговаривала отца вместе встречать Новый год.

Больше темы мужчин не касались. Поглядывали в телевизор, не очень празднично, зато уютно и мило болтали. Оливье – в этот раз основой для него стали креветки – получился выше всяких похвал. «Личный» Аринин салат – курица, гренки, китайская капуста – вышел суховат, но мама тактично промолчала. Соседи давно повылезали во двор, лупили в небо петардами, орали пьяными голосами.

Арине, после еды и шампанского, отчаянно хотелось курить.

Она делано зевнула:

– Может, спать пойдем?

– Как? – мама округлила глаза. – А Дед Мороз?

– Но ты ведь мне утром подарок сделала!

– То я. А от Деда Мороза смотри под елкой.

Арина смутилась. Она еще за завтраком вручила маме набор золотисто-коричневых теней (подчеркивать «фамильные» глаза) и считала тему презентов исчерпанной.

Но послушно встала, пошла смотреть.

Под елкой лежал обычный, без картинок и подписей, конверт.

А внутри – дочка своим глазам не поверила! – два билета на московские гастроли театра Ла Скала.

– Мам! – восторженно взвизгнула Арина. – В партер! Они ведь по восемь тысяч! С ума сошла!

– Но ты сама говорила, что очень хочешь сходить.

– Да мы вместе сходим, о чем ты! Но все равно: так дорого! Могли бы по «Культуре» посмотреть.

– Брось! – отмахнулась мать. – Ты музыкант, и должна слушать своих коллег вживую.

– А как ты билеты достала? Их в продаже ведь вообще не было. Еще и спекулянтам доплачивала?!

– Обижаешь. Есть квота, которую через кассы обязаны провести. Поехала к шести утра – к десяти очередь подошла.

– Мам, ну, просто супер! В оркестре все от зависти полопаются!

– Может, с кем-то оттуда пойдешь?

– Ой, да ну! Мне с тобой интересней.

И ведь не соврала почти. Маманчик, конечно, деспот. И переспорить ее невозможно – что поделаешь, бывший завуч. Зато лишь от нее Арина не ждала никакого подвоха. Единственный человек, кто всегда, безусловно на ее стороне. И любому обидчику дочери глотку порвет.

Да и в быту удобно. Квартира всегда вымыта, еда есть. Счета оплачены, набойки, химчистка, даже мелкий ремонт – все на маме. И никогда не жалуется: «Вот, мол, я тебя кормлю-обстирываю». Ведет хозяйство легко, быстро и с удовольствием.

Арина водрузила билеты на комод, попросила:

– Не убирай. Буду каждый день любоваться. Спасибо тебе, Дед Мороз!

Мама взглянула как-то странно:

– А какое ты желание ему загадала?

– Ну, нельзя ведь говорить, – смутилась дочь.

– Хоть намекни.

– Да глупость я загадала, – призналась Арина.

– Все исполнится, – серьезным голосом заверила мама.

– Ты окончательно вошла в роль? В смысле, Деда Мороза?

– Нет, Аришка. Просто странное ощущение – будто я вижу, что будет дальше.

– Мам, ты чего? – встревожилась дочь.

– Нет-нет, не волнуйся. Это пока не Альцгеймер. Скорее, просветление. Случается иногда в моем возрасте. «Старица предсказывает будущее». Или «открылся портал» – как молодежь говорит. Но такое случается редко. Раз в году, в новогоднюю ночь.

– Ну, тогда признавайся.

– Все у тебя изменится, доченька. И путешествия будут. И новая работа. И любовь.

Арина опешила. Она, действительно, пока били куранты, успела произнести про себя: «Хочу сбежать из оркестра. Чтобы другие люди рядом. Другая страна. Другая жизнь».

И в этот момент грянул гимн.

– Откуда ты знаешь? – почти со страхом спросила она у матери.

Та расхохоталась:

– Аришка, да у тебя что в детском садике, что сейчас: все на лице написано. Давай еще по бокалу – и баиньки.

Они прикончили бутылку шампанского, разошлись по своим комнатам.

Арина не ложилась. Стояла у окна, смотрела, как взрываются фейерверки. То и дело на цыпочках подкрадывалась к двери маминой комнаты – та похрапывала, и это было очень удобно.

Наконец, когда храп стал стабильным, дочь накинула пальто и вышла на балкон.

Первая сигарета в новом году показалась особенно вкусной. И спалось после нее хорошо, сладко. А снилось – как они с мамой на гастролях Ла Скала. Почему-то не в партере, а в третьем ряду боковой ложи теснятся, пытаются хотя бы что-то разглядеть. Но вместо сцены видно только прожекторы. И кусочек оркестра – барабанщик мрачно отбивает трагический ритм.

* * *

Арина проснулась от запаха кофе. Очень в мамином духе. Вскочить – первого января! – в несусветную рань, перемыть посуду, да еще и дочку побаловать. Придет сейчас с подносом: кофеек, оладушки. И зачем нужен муж?

На часах полдень, за стенами тихо. Соседи (она сквозь сон слышала, как те бузят) наконец угомонились.

– Мам! Я проснулась! – капризно, будто маленькая девочка, выкрикнула Арина.

Вот сейчас простучит по коридору уверенной поступью завуча, откроет дверь, проворчит несердито:

– Лентяюшка ты моя.

Нет. По-прежнему тишина. Мамуля не дождалась, пока дочка пробудится? Приготовила завтрак и отправилась релаксировать? Красивой жизни она не чуралась: наполняла ванну водой, бросала пенную бомбу и нежилась по часу. На лице маска, в руке журнальчик.

Значит, придется за кофе самой идти.

Арина неохотно выползла из постели. Вот еще одна прелесть жизни без мужчин. Спишь в удобной пижаме и не надо спросонья первым делом чистить зубы или хвататься за расческу. И шаркать можно. И спину держать не обязательно.

Открыла дверь комнаты, выкрикнула:

– Ма-ам!

Тихо. Заглянула в ванную – пусто. На кухне тоже никого. И никакого кофе – запах, по-видимому, спросонья померещился. Мама решила начать новую жизнь (иногда на нее находило) и отправилась бегать или на лыжах? Нет, глупость. За окном метель, небо серое.

Спит? Да сроду она не вставала позже девяти. Говорила: «Школьная закалка».

– Куда ты делась-то? – произнесла Арина раздраженно.

И решительно распахнула дверь маминой спальни.

Обалдеть! Одеялом до подбородка укуталась и не шевелится! Может, ночью проснулась, читала, а сейчас разоспалась?

Арина собралась тихонько закрыть дверь – пусть спит. Но вдруг увидела: на полу, на боку, валяется граненый стакан. Хотя беспорядков – в любом виде – мама не выносила.

Может, ей плохо?

– Мам! – Дочка решительно подошла к постели.

Лицо спокойное, на губах улыбка. Не похоже, будто что-то болит.

Но все-таки Арина потрясла ее за плечо.

Мама не шевельнулась. Зато глаза вдруг приоткрылись. И уставились на Арину неживой, пустой желтизной.

– Мам! – отчаянно повторила девушка.

Отбросила одеяло. Схватила родную руку. Та была теплой. Но едва дочь ее отпустила – безжизненно упала на кровать.

Арине стало жутко. Не сводя глаз с улыбающегося лица, она приложила ухо к маминой груди.

Сердце не билось.

«Это сон. Я сплю».

Впилась ногтями в ладонь. Больно.

Сначала глупая мысль: «А кто кофе мне сварит?»

Только потом перевернула маму на спину. Начала неумело давить на грудь, делать искусственное дыхание. Никакого толку. Только ребро хрустнуло. И глаза окончательно перестали закрываться.

Тогда Арина расплакалась.

Ревела долго. Жалела маму, жалела себя. Терзалась: почему она вчера ничего не заметила? Почему рано утром не заволновалась, не заглянула к мамочке в спальню?

Но не было никаких предвестников. Мама в честь праздника подкрасилась, уложила волосы. Глаза блестели, голос, как всегда, звучал уверенно, звонко. Немного странно, что вдруг пророчествовать взялась – но под Новый год иногда у самых обычных людей сверхспособности проявляются, Арина в Интернете читала.

Да мама никогда и не болела ничем. В доме даже аппарата для измерения давления не имелось.

Вспомнился дремучий анекдот: «Отчего он умер? – От гриппа. – Ну, это не страшно».

«Надо дяде Феде звонить!»

Арина схватила телефон. Но даже до гудков не дошло – робот сразу заверил, что «абонент недоступен». Да, он ведь сейчас в Лондоне. Московский телефон

выключил, наверно.

Девушка изо всех сил стралась не глядеть на мамино заостряющееся лицо. Протянула руку, взяла с тумбочки записную книжку. Где-то должен быть телефон дядь-Фединой дочки. Надо дозвониться, достать его. Попросить: пусть прилетает! Как ей со всем справляться – самой?!

Но номера не нашла. У мамы вообще не записнушка – скорее, ежедневник. Показания счетчиков. Время работы обувной мастерской. Цитаты. «О бессмертии мечтают миллионы людей – тех самых, которые мучительно думают, чем бы занять себя в дождливый воскресный вечер».

«Мама! Тебе, что ли, просто стало скучно? Надоело со мной?! И поэтому ты ушла?»

Арина снова заревела.

Размазывала по лицу слезы, растравляла рану. Краем сознания думала: «Надо ведь делать что-то?»

Мама настолько отстранила ее от всего бытового, что Арина просто не представляла: куда ей звонить? В «Скорую» – вроде поздно. В похоронную контору? А где взять номер? Или сначала в полицию надо?

Первое января. Два часа дня. Арина робко набрала с городского «02». Долгие гудки. Наконец недовольный женский голос:

– Что у вас случилось?

– У меня мама умерла.

– Каким образом?

Арина опешила:

– Я не знаю.

– Смерть насильственная?

– Господи, нет, конечно. Она просто не проснулась утром!

– Выпивали вчера?

– Ну, немножко. Новый год ведь был.

– Понятно. Высылаю наряд. Но быстро не ждите. Вызовов много.

Однако в дверь позвонили минут через десять.

Арина – заплаканная, взвинченная, напряженная – успела себя накрутить. Ждала: сейчас полицейские станут допрашивать ее. Ловить на слове. Задавать неудобные вопросы. Она ведь пыталась сделать маме искусственное дыхание, изо всех сил давила на грудь, пока внутри что-то не хрустнуло. Вдруг ее сейчас обвинят в маминой смерти? Арестуют, посадят в тюрьму…

«Ты такая тетеха, Арина. Совсем не умеешь за себя постоять».

Мама часто выдавала странные, несовременные словечки.

Арина заранее ссутулила спину и отворила дверь с видом, будто ее сейчас возведут на эшафот.

На пороге стояли двое мужчин в одинаковых черных костюмах. Девушка озадаченно смотрела на грязновато-белые рубашки, траурные галстуки. Следователи вроде и не должны ходить в полицейской форме. Но почему они так странно оделись?

– Где труп? – деловито произнес один из мужчин.

Арина отступила:

– Там. В спальне.

Второй гость приказал:

– А вы со мной на кухню.

Арина покорно поплелась.

Гость сел напротив, извлек толстый блокнот, открыл на чистой странице. Вытащил ручку – черно-красную, словно гроб. Зловеще молвил:

– Ну-с. Начнем.

В этот момент в дверь снова позвонили. Арина подскочила.

– Спокойно! – строго приказал человек в черном. – Я открою сам.

Она покорно осталась на табуретке. Гул недовольных голосов. Человек пять, не меньше. Наконец женский взвизг:

– Дайте мне пройти!

Фантасмагория. Полицейские в сериалах всегда жалуются, что некому работать. Но зачем приезжать целым взводом, если просто умер человек? Или это специально, чтобы ее расколоть? Заставить во всем признаться?

Нервы на взводе. Да, мамины глаза были абсолютно мертвы, когда Арина вошла в комнату. Но, может, ей показалось? Может, это она убила ее? Дурацким и неумелым искусственным дыханием?!

Однако ее никто допрашивать не спешил, в то время как перебранка в коридоре набирала обороты. Злые следователи спорят с добрыми? Нет, Арина, тут что-то не то. Пойди – и разберись.

Девушка робко выглянула из кухни. Давешние парни в черных костюмах напирали на толстую тетку, оттесняя ее к двери. Та уперлась ногой в обувной шкафчик, отталкивала их и вопила:

– Никуда я не пойду!

А в дверь снова сначала звонят, потом входят. Двое в зеленых пижамах, сверху бушлаты. В руках носилки. На спорщиков из коридора ноль внимания – сразу к Арине:

– Договорчик подпишите. И оплату, будьте любезны. Семь тысяч двести.

– Какие семь тысяч? – окончательно растерялась она.

– А что, тело в доме будем держать? – фамильярная ухмылка в ответ. – Так уже сладеньким тянет. Через пару часов – вонять начнет.

И Арина вспомнила: мама когда-то зачитывала ей из газеты, что у похоронных агентов жесткая конкуренция. Едва узнают про труп, слетаются, стервятники. Но откуда они проведали? Она ведь только в полицию звонила!

– Быстро все пошли вон! – жалобным голосом произнесла осиротевшая дочь.

Маму бы послушались. Но на нее никто не взглянул. Парням в черных костюмах наконец удалось вытолкнуть толстую тетку за дверь, и теперь они напирали на санитаров:

– Чего приперлись? Еще полиции не было!

Те спорить не стали. По-хозяйски уселись – один на обувную тумбочку, второй на пуфик. Прислонили носилки к стене. Заявили:

– Мы подождем.

А двое в костюмах обступили Арину:

– Пойдемте, пойдемте, ласточка. Мы вас с прейскурантиком ознакомим, хорошую скидочку дадим. Время сейчас, жаль, неудачное. Кладбища не работают, морги многие закрыты. Но мы все устроим, милая, не волнуйтесь.

Мама бы обязательно, прежде чем заключать договор, обзвонила с десяток фирм. Сравнила цены. Может, ей тоже? Этих заставить уйти – и начать самой выбирать похоронную контору? Выгадывать копейки на маминой смерти, со страхом оглядываясь на комнату, где лежит труп?.. А если все агенты бесцеремонны, как эти двое? Им только позвонишь – а они определят телефонный номер, адрес? Явятся в квартиру, начнут давить на нее – всей толпой?

– А у нас и с полицией связи, и с поликлиникой, и с собесом, – продолжали заливаться соловьями чернокостюмные. – Быстренько вам и справочку о смерти выдадим, и компенсацию от государства оформим.

Нет. Лучше побыстрее со всем покончить.

Арина, морщась, проглядела каталог гробов. Выбрала венок. Кладбище. Согласилась, что маме обязательно будет нужен хороший макияж.

– Кафе можем хорошее посоветовать, для поминочек. – Напирали парни. – Всего две с половиной тысячи с персоны.

Ну и цены у них!

– Нет, кафе мне не нужно, – твердо произнесла Арина.

Да и вообще она не знала, кого звать на похороны. Близких подруг у мамы не было. Приглашать соседок? Бывших коллег? Своих сослуживцев из оркестра?

Измученными глазами посмотрела на парней, попросила:

– А можно… все это потом? Мы ведь не сегодня ее хоронить будем.

– Нет, нельзя! – дружно возмутились агенты. – Обо всем надо сразу договориться. Праздники. Народ мрет. Автобусов нет. Могилы копать некому.

Циничным мальчикам совсем плевать на ее горе. Они пришли сюда работать. Кстати. А чем им платить?

Арина растерялась. Декабрьская зарплата иссякла. Январскую еще не выдали. У мамы в ящике тумбочки всегда лежат деньги на хозяйство, но там от силы десять тысяч. Остальное на сберкнижке. Банк первого января, разумеется, не работает.

Едва заикнулась, что мало денег, парни оживились еще больше:

– Ничего страшного! Оформим микрокредит.

Мама и про это рассказывала. Чуть ли ни тысячу процентов потом придется заплатить.

– Да что вы, девушка! – обиделись похоронные агенты. – Ставка, как в банке. Один процент в день.

«Почему у меня нет друзей? Нет мужа? Нет вообще никого?!» – в отчаянии думала Арина.

Она подписывала какие-то бумаги, но думала совсем не про похороны. Что она будет делать – да хотя бы сегодня вечером, когда тело мамы увезут в морг?

Смотреть – одна! – телевизор? Читать книгу? Играть на скрипке?! Заканчивать мамину вышивку?

Ей казалось: мамин дух сейчас тут, в кухне. Сидит на табуретке, жалостливо смотрит на дочь.

С кем ей теперь поболтать? Кто погладит ее по голове? Кто пуговицу пришьет, наконец? Арина даже этой нехитрой науке не научилась. Зачем – если мама с иголкой-ниткой управлялась куда ловчее.

– Может, ты мне хотя бы приснишься, – пробормотала дочь.

– Итого с вас сто тридцать четыре тысячи, – подвел итог похоронный агент.

Сумасшедшая сумма. Но мама всегда говорила: похороны стоят дорого. Только откладывать на них так и не начала.

* * *

Пятого января в полдень Арина стояла на Крымском мосту. Всю ночь была пурга, и сейчас девушку со всех сторон обступала засахаренная в снегу Москва. Крыши машин одеты в белые шапки, старушки-оригиналки отряхивают от светлого пуха зонты, и только незамерзшая черная река нарушает уютный лубок.

Арина тщетно пыталась зарядиться от столицы праздником, беззаботностью, снегопадом. Заставляла себя смотреть: на миганье гирлянд, молодняк в дед-морозовских колпаках, мелюзгу, что идут с елок, важные, с чемоданчиками конфет. Но глаз все равно резало беспощадным стеклом: вот ритуальный автомобиль пробирается сквозь праздничную толпу разноцветных машинок. На двери темного, закрытого на праздники офиса висит табличка: «Выхода нет». Пьяный бомж вопит-разоряется: «Жизнь – дерьмо!» А ледяная, аппетитно-черная Москва-река завораживает окончательно.

Сначала Арина встала у моста просто посмотреть вниз. Но едва встретились ее глаза, полные слез, и ледяное течение – будто колдовство случилось. Зловещее, мрачное. По крайней мере, оторвать взгляда от воды девушка больше не могла. Все ниже наклонилась через перила и глядела, глядела. Кричала про себя: «Прочь! Уходи! Глупо. И холодно. И больно. И бессмысленно, наконец». Но все сильнее хотелось: один прыжок – и больше нет страданий. Плыть по стылому, равнодушному течению. И не чувствовать боли, горя, одиночества.

Ничего не изменится на планете Земля, если она уйдет. Что сейчас Арина никому не нужна. Что умрет – ни один человек не заплачет. Зато, после прыжка и полета она, несомненно, встретится с мамой. Та, конечно, страшно рассердится – она всегда ругала за бессилие и трусость. Но ведь не выгонит – обратно с того света на Землю.

«В квартире бардак, – цеплялся за жизнь мозг. – Колготки, трусы нестираные. Перед людьми стыдно. И «Профессионала» бы посмотреть. Еще хоть раз».

Но вода в реке из плоской словно в объемную превращалась. Наступала со всех сторон. Уговаривала. Обволакивала.

И прохожих нет, никто не остановит.

Арина, не сводя глаз с манящей ледяной глубины, закинула ногу на парапет. Совсем не высокий, маняще скользкий. Две секунды – и все.

Но тут за спиной что-то лязгнуло, заскрежетало. Кажется, машина тормозит. Тяжелая. Оборачиваться Арина не стала.

Переждать, пока уедет? Или прыгать прямо сейчас?

Подтянулась легко на руках, хотя сроду не занималась никакой физкультурой, села на ледяные перила.

И вдруг услышала жалобный голосок:

– Тетя! Тетя!

Она рванулась было вперед, вниз. Что ей до чужих, впечатлительных детей?

Но мелкое исчадье оказалось шустрым – вцепилось изо всех жалких силенок ей в куртку.

Стряхивать детские руки – и все равно туда?

У ребенка психическая травма будет. В газетах потом напишут – про безжалостную эгоистку-самоубийцу.

Арина, наконец, обернулась. Хмуро спросила белобрысого пацана лет восьми:

– Что тебе?

Тот шмыгнул носом:

– Меня с тлоллейбуса выкинули.

– Кто? – Арина по-прежнему сидела на парапете.

– Контлолел. Сволось! – прокартавил малыш.

– Тебе билет купить? – саркастически спросила она.

– Не, – решительно помотал головой пацанчик. – Домой меня доведи.

– С чего бы?

– Боюсь один. – Голос жалобный, но улыбнулся нахально.

Внешне мальчишка напомнил ей одноклассника-хулигана. Арина была тайно в него влюблена и мечтала: чтобы тот ей склеивал косички скотчем и подкидывал в портфель червяков. Но мальчик Аришке даже никакого обидного прозвища не придумал. Просто не замечал скромную желтоглазую одноклассницу.

Магия воды чуть ослабла. Но с парапета девушка так и не спустилась. А шустрый чертенок вдруг – прыг! – и рядом уселся.

– Обалдел? – перепугалась она. – Быстро слезай.

– Неа, – смеются под белобрысой челкой глаза. – Я боюся. Ты меня сними.

Слезла. Грубо стянула мелкого за шкирку. Зашипела:

– Все. Иди отсюда.

– Ну, те-отя! – заныл мальчишка. – Мне две доло-оги больсых пелеходить! Мамка лугаться будет, что я один!

На форумах часто истории пишут. Как в трудную минуту прибьется к человеку котенок или щенок. Отогреет, от решительного шага огородит, будет в жизни утешеньем служить. А ей, что ли, ребенок попался? Нет, усыновлять его она точно не станет. Дети – страшная морока.

Строго сказала:

– Так и быть. До дома доведу.

А завтра – пересмотреть «Профессионала», убрать в квартире и вернуться к мосту.

Арина взяла пацана за руку. Ладонь ледяная. Как у мамы – когда она в гробу лежала. Куртешка дрянь, тоненький синтепон, шапки нет, обут в кроссовки.

– Закаляешься?

– Че дали, то и надел, – сурово ответил мальчишка. И поторопил: – Посли, сто ли?

Всю дорогу пытался болтать, но Арина не слушала. Сроду ее не интересовали детские проблемки и чужие мамки. Рука мальчишечья тепла не давала, так и осталась холодной до самого дома.

Пришли к облезлой, будто приплюснутой к земле пятиэтажке. Арина удивилась. Ей всегда казалось, что Крымский мост – район модный, застроен сплошь сталинскими исполинами или новоделами бизнес-центрами.

– Наш дом давно снести обесяют, – просветил малец. – Но тут коммуналки, ласселить слозно. Мамка судится. Хочет, стоб тлехкомнатную дали.

– Все! – Арина с облегчением выпустила детскую руку. – Беги к своей мамке.

– Ты меня до конца пловоди! – сурово велел парнишка.

И потащил за собой в подъезд – дыра-дырой, в углу кошачья миска, по всей лестнице рекламные листовки пестрят.

Поднялись на второй этаж, мальчишка позвонил.

Арина удивленно отметила: пацаненок вдруг подобрался, сутулую спину выпрямил, челку пятерней расчесал. Строгая, видно, мамка.

Но дверь вместо женщины отворил высокий, очень худой мужчина в широких, как йоги носят, штанах. Глаза ласковые, лицо приветливое. Улыбнулся Арине, будто давно ее знает и любит.

А предатель-малец Арину толкнул своими ручонками – чуть мужику не в объятия. И доложил тоном ябедника:

– Вот. С моста собилалась плыгать.

Арину бросило в краску. Мужчина в йоговских штанах сделал шаг вперед. Положил руки ей на плечи. Усмехнулся:

– Ты знаешь, что д’Артаньян тоже хотел покончить с собой?

– Отпустите меня!

– А его друг Атос сказал: «К этой глупости всегда успеешь прибегнуть. Ведь только она непоправима».

Арина хотела крикнуть: что это не его дело. И вообще пусть все оставят ее в покое! А мелкому – врезать хороший подзатыльник. Заслужил.

Но дядька продолжал держать ее в объятиях и внимательно смотреть в глаза. Как-то особенно у него выходило. Будто и сердце ее, почерневшее от горя, видит, и душу – пустую после маминой смерти.

И Арина вдруг пробормотала:

– Да я не то что специально собиралась. Просто остановилась, взглянула случайно с моста в воду, и…

– Проходи. – Мужчина аккуратно взял ее за плечо.

Его рука, в отличие от ладошки пацана, обожгла кожу, будто грелка после мороза.

– Я посел, дядя Йова? – спросил малец.

И будто ветром его сдуло.

Арина послушно вступила в длинный коридор. Ни единой вешалки или шкафа. Никаких полочек для обуви. Стены увешаны фотографиями. На всех – море и солнце. Восходы, закаты или яркий луч, пробивающий черную грозовую тучу. Где-то в недрах заунывно напевает женский голос. Арина (по музыкальной литературе всегда была «пятерка») узнала: мантра. Исполняет Дэва Премал. Пахнет ароматными палочками и куркумой. Филиал Индии – неподалеку от Крымского моста.

Йова щелкнул пальцами – еле слышно, показалось Арине. Но одна из дверей немедленно открылась, оттуда выскочила девушка – тоже очень худая, в просторных штанах. Присела перед гостьей на корточки, улыбнулась снизу вверх:

– Вашу обувь?

Арина смутилась окончательно. Сроду ее никто не разувал. Да и что у нее за носки? Может, рваные, грязные? Она просто не помнила.

Но Йова не дал и слова вымолвить. Глаза в глаза – будто тайну страшную поверял – произнес:

– У нас очень приятный пол из пробки. И подогрев. А вся обувь в отдельной комнате остается.

– Зачем?

– Чтобы не тащить в квартиру энергетику с улицы. Плюс элементарная гигиена.

Она не придумала, что возразить.

Носки, к счастью, оказались не рваными, а почти новыми, махровыми, со смешными лягушками. Арина вспомнила: их осенью мама подарила – чтоб дочка не мерзла, пока отопление в квартире не дадут.

В носу сразу зачесалось.

Йова убрал руку с ее плеча, развернул к себе лицом, прожег синью глаз. Спросил:

– Медитацию с поющими чашами любишь?

– Э-ээ… а что это?

– Это способ вернуться к тем, кто тебе дорог, – внушительно произнес мужчина.

– Вы о чем? – со страхом спросила она.

– Ну, у тебя ведь беда? Потеря? Кто погиб? Ребенок, муж?

– Мама.

– Давно?

– П-пять дней назад.

– Значит, она еще здесь. На земле, – уверенно произнес Йова. – И ты сможешь ее увидеть. Я охотно тебе помогу.

Арина постаралась взять себя в руки. Ты что, малышка, с моста не прыгнула, так в другую беду лезешь? Что это за квартира? Что от тебя хочет этот странный мужик?

Она спросила, как могла, сурово:

– Кто вы такой?

Мужчина взглянул удивленно:

– Лев Балаев. Вы меня разве не знаете?

– Откуда мне вас знать?

– Я читаю лекции. Издаю книги, записываю диски. Провожу ретриты и семинары. В социальных сетях почти миллион подписчиков.

– Вы йог, что ли, какой-то? – с презрением спросила Арина.

Девица, принимавшая обувь, уничижительно взглянула на гостью. Но ничего не сказала. Юркнула за одну из дверей.

Лев Балаев внушительно проговорил:

– Я не занимаюсь стандартной йогой. Я переворачиваю всю жизнь человека. Исцеляю от любого страдания. Хотите, чтобы та, кто умерла, продолжала вас радовать?

Арина печально махнула рукой:

– Бросьте. Мертвые уходят навсегда.

– Ошибаетесь.

Лев снова щелкнул пальцами. Помощница, (наверно, специально стоит ухом к двери и прислушивается к зову) явилась мгновенно. Гуру одарил ее улыбкой – куда, правда, менее щедрой, чем досталась Арине. И велел:

– Расскажи про себя.

Девица вытянулась перед ними почти по стойке «смирно». Только глаза – не по уставу – смотрели в пол.

Пробормотала:

– Потеряла в один день всех близких. Родителей. Мужа. Дочь. Мы в отпуск собирались. Большой семьей. А меня услали в командировку. Они полетели сами. И все… разбились.

В глазах девушки блеснула слеза, но мгновенно высохла под взглядом гуру. Тот строго молвил:

– Зина. Ты ведь сейчас счастлива?

Она взглянула на него глазами преданной собаки:

– Да. Да! Мне очень, очень, очень у вас хорошо!

– А это просто квартира? – осторожно спросила Арина.

– Я не практикую в квартирах, – с достоинством произнес Балаев.

А Зина поспешно объяснила:

– У нас здесь официально зарегистрирован антикризисный центр. Проходят занятия. А те, кому совсем плохо, могут даже ночевать оставаться.

Мама бы обязательно насторожилась. Взяла бы светлоликого дядечку и его покорную помощницу за жабры: а кто учредитель вашего центра? Кем он финансируется? По каким методикам работает?

Арина, может, тоже бы решилась задать вопрос – но Лев не дал. Строго произнес:

– У меня очень жесткое расписание. Но я всегда готов перекроить его ради того, кому тяжело. Пойдем. Проведу с тобой персональную медитацию.

– Не поможет мне это, – вздохнула Арина.

Балаев снисходительно улыбнулся. Зато Зина набросилась на нее, как коршун:

– Вы что?! Да Лев Людовикович персонально ни с кем уже давно не работает! Вам исключительная возможность дается!

– Ладно, Зина, достаточно. – Отмахнулся от девушки широкоштанный. – Не будем заниматься саморекламой. И держать нашу в гостью в коридоре тоже невежливо. Не упирайся, милая. Ты не пожалеешь.

И Арина покорно пошла. Хотя мама – увидь она сейчас дочку – безусловно, ее отругала бы. Чужая квартира, странный мужик. Комната тоже будто для сексуальных утех предназначена. Горка матов в углу – вот и вся меблировка. Стены увешаны постерами. В этот раз не солнце – обнаженное женское тело. Снято красиво, почти целомудренно, но Арина совсем занервничала.

Лев ее смущения не заметил. Снял верхний мат, расстелил посередине помещения. Велел:

– Ложись.

– Э-э… зачем?

– Тебе надо голову освободить. От темных мыслей.

– А как вы… это делать будете?

Она отчаянно покраснела. И вдруг поняла, что ей все равно. Подумаешь – забыться в чужой квартире. На жалком коврике, в чужих объятиях. Для человека, который только что собирался прыгать с Крымского моста, – абсолютная мелочь.

Йог (или кто он там был) продолжал смотреть ласково, но без малейшей искры вожделения.

Бережно – будто отец строптивую дочку – потрепал ее по щеке. Велел:

– Доверься мне. Ложись. На спину, руки-ноги свободно. И глаза закрывай.

«Да пусть будет что будет!»

Арина исполнила волю хозяина, сомкнула очи, стала боязливо ждать: что случится дальше? Он сразу навалится на нее? Или сначала начнет обхаживать,

медленно раздевать, ласково водить по телу пушистым перышком?

Но ничего сексуального не произошло.

Арина вдруг услышала металлический, утробный, до глубины души пробирающий гул. Приоткрыла глаза, осторожно скосила взгляд.

Лев уселся от нее на внушительном расстоянии. Ноги скрещены, в руках что-то вроде горшочка для меда и пестик. Этим пестиком он водит по кромке емкости, та гудит. Неприятный звук, очень тревожный. Похоронный оркестр напоминает.

– Закрой, пожалуйста, глаза, – попросил ее мужчина. – А теперь представь. Ты на крыше высотного здания. Рядом твои лучшие друзья. Они взяли тебя за руки и за ноги. Раскачали. И бросили вниз.

Арина еле удержалась, чтоб не расхохотаться. Боялась маньяка, а оказалась в лапах тихого сумасшедшего.

Йог, похоже, заметил улыбку на ее лице. Но не смутился. Спокойно продолжил:

– И вот начался твой полет в бездну. Ты летишь все быстрее и быстрее. Но тебе совсем не страшно, потому что ты никуда не приземлишься. Воздух вокруг теплый и черный. Тебе ничего не мешает. Тебе спокойно и хорошо. Скорость падения увеличивается, ветер свистит в ушах, все быстрее, быстрее! Мысли не успевают возникать в твоей голове. Они сначала пытаются остаться с тобой, но постепенно отстают. Замирают. Превращаются в картины на стенах. Ты видишь их, но они тебя больше не затрагивают. Ты просто пролетаешь мимо.

И по своей чаше ударил.

Арина с удивлением почувствовала: она вправду куда-то летит. А еще тепло стало и морем запахло.

– Твои руки начинают тяжелеть. От кончиков пальцев, через предплечье и локоть, они наливаются свинцом. Тяжесть охватывает все тело. И только в области межбровья ты ощущаешь поразительную легкость. Будто кто-то положил туда прохладную тряпочку. А теперь ты чувствуешь, как через эту

точку тебя наполняет волшебный солнечный свет. Лови его лучи, купайся в них!

И Арина (в сон, что ли, провалилась?) вдруг оказалась на морском берегу. Причем была она не собой нынешней, а совсем маленькой девочкой. В своем любимом матросском костюмчике, который носила до третьего класса.

Откуда-то извне она слышала голос – Лев Людовикович что-то вещал про бурные океанские волны и золотистый песок. Но Арина видела не океан, а наше простецкое Черное море. Пляж с крупной галькой, мутноватое мелководье. Толстые тетки вгрызаются в кукурузу. А она – парит над землей и напряженно вглядывается: в купальщиков, в каждый коврик на берегу. Мозг лениво перебирает варианты: «Я мертвая? Или я в прошлом?»

Она, точно, бывала на этом пляже. И кукурузу покупала у старичка в тельняшке – вот он и сейчас ходит с корзиной, совсем не изменился.

– Дайте мне! – крикнула Арина.

Но продавец в ее сторону не обернулся. Зато она вдруг увидела – у самой воды, на пансионатном покрывале, устроилась мама. Бежевый купальник, «Остров Крым» в руках. Лицо умиротворенное.

– Мам! – бросилась к ней дочка.

Арина была почти уверена: мама ее тоже не услышит.

Однако женщина отложила книгу и вскочила:

– Аришка! Наконец-то!

На секунду стало очень страшно. Но руки у мамы теплые, а глаза совсем живые. И голос строгий:

– Дочка! Ты почему в квартире такой бардак развела? Мою чашку любимую разбила?

– Откуда ты знаешь?!

– Отсюда все видно, – грустно улыбнулась мама. И продолжила упрекать: – А еще я теперь точно знаю, что ты куришь. Пожалуйста, немедленно брось.

– Мам! – Арина смотрела на нее преданно и опасливо. – А мы с тобой сейчас где?

– Я – совершаю свое последнее путешествие по местам, где была счастлива. А ты оказалась со мной, потому что я очень о тебе беспокоюсь.

– А мы можем остаться вместе? – с надеждой спросила дочь. – Навсегда?

– Нет, – покачала головой мама. – Если ты уйдешь с земли до срока, то окажешься совсем в иной сфере. Не делай глупостей. Мы можем видеться и так.

…Когда Арина открыла глаза, в зале ничего не изменилось. Остались гулкость, пустота, неуют. Обнаженные женщины на стенах и горка матов в углу. Лев Людовикович сидел неподалеку. Чаша с пестиком стояла рядом. Броситься ему на шею? Расцеловать? Она поддалась порыву, вскочила.

Мужчина остановил взмахом руки:

– Никаких резких движений. Спокойно сядь. Закрой глаза. Глубоко подыши.

Арина безропотно исполнила указание.

– Хорошо. – Наконец позволил он. – Теперь можешь подойти.

И указал на пол рядом с собой.

Он сидел на коврике, ноги хитро перекрещены, засунуты одна под другую, будто индийский йог с картинки.

Арина не то что так – по-турецки не сядет, коленки обязательно противно хрустнут.

Секунду она поколебалась. Встала коленями на теплый пол. Уложила попу на ноги. Лев улыбнулся:

– Правильно. Поза ученика. Что-то практиковала?

– Э… в школе ходила на акробатику. Два месяца.

– Понятно.

Что за улыбка у него! Будто тот самый золотистый свет из медитации обволакивает.

Однако собственный разум (остатки разума) отчаянно сопротивлялись обаянию йога. Он просто гипнотизер или кто-то в этом роде. Ввел ее в транс, внушил невесть что.

Арина жалобно произнесла:

– Я видела маму. Это была галлюцинация?

Лев рассмеялся:

– Ты на учете у психиатра состоишь?

– Нет.

– У тебя когда-нибудь были видения? Бред, психозы?

– Никогда. Но мама ведь умерла! Как я могла ее видеть? Разговаривать с ней?! Откуда она узнала, что я чашку ее любимую разбила?

– Потому что в земле только тело. А дух человека вечен.

– Мама сказала: я смогу ее видеть.

– Да.

– А у меня получится – самой входить в такую медитацию?

– Конечно, нет. Но я готов помочь в твоем трудном пути.

– Но как вы это делаете? Вы гипнотизер?

– Ничего подобного. Я никогда не вторгаюсь в сознание людей. Просто помогаю выйти из рамок. Стать такими, какими вам дано природой. Я ничего тебе не внушал. Лишь отпустил твои собственные зажимы и вернул в истинный мир.

– А в этом мире есть моя мама?

– Конечно. – Он не колебался ни секунды. – Смерти не существует. И люди вечны до тех пор, пока мы о них помним.

На маминых похоронах кто-то говорил похожее. Тогда Арина готова была вцепиться в оратора и выцарапать ему глаза. А вечером, после поминок, нюхала мамины шарфы, ревела в ее подушку. Не сводила глаз с фотографии. Умоляла: «Приди ко мне. Приснись».

Но спала, когда забылась под утро, в хаосе кошмаров. И проснулась в слезах.

Мама не появилась.

– Как мне научиться этой вашей медитации?

– Надо освоить много специальных техник. Приходи завтра на занятия. Мы начинаем в девять утра. Для начала сходишь на три сессии. Освободишься в семь. У тебя деньги есть?

– А… сколько надо?

– Сколько сможешь. Пятьсот. Тысячу. Полторы. Мы не проверяем, кто сколько жертвует.

– Спасибо! – Взглянула она просветленно.

– Будь здорова.

Лев Людовикович дотянулся до ее висков и легонько сжал их в ладонях.

И Арина – впервые со дня маминой смерти – вдруг мучительно захотела есть. Не глотать любую подвернувшуюся пищу, а именно слопать что-нибудь вкусное. Пиццу из дровяной печи. Икру на свежем хлебе.

Лев щелкнул пальцами. Его помощница явилась мгновенно.

– Проводи! – велел он.

Арина прошла по коридору, чувствуя себя, словно бредет в приятном, теплом тумане. Сунула ноги в горячие (на батарее их, что ли, держали?) сапожки. Уже на пороге понизила голос, спросила:

– А твои – муж, дочь, родители – они тоже к тебе приходят?

– Почему приходят? – удивилась Зина. – Мы живем вместе. Как раньше и жили.

«Быть такого не может», – жалобно пискнул разум.

Но Арина велела ему замолчать. Вышла из гостеприимного дома. В бодром темпе дошагала до первого встретившегося кафе. Вошла, заказала огромную пиццу с креветками и поймала себя на том, что улыбается. Тоже впервые со дня маминой смерти. Да и раньше она улыбалась нечасто.

Когда поела, вышла на улицу. Привычно достала сигареты. Вынула одну, прикурила. И вдруг почувствовала – ничего более мерзкого она не пробовала никогда в жизни.

Раскашлялась, вышвырнула пачку и зажигалку в урну. И зачем она травила себя столько лет?

* * *

Первый день после новогодних каникул на работе прошел предсказуемо. Коллеги наперебой хвастались, как провели праздники. Первая скрипка, старая и толстая тетка, позволила себе Таиланд, виолончелистка-стажерка – юная и большеглазая – уела старшую коллегу Мальдивами с новым другом. Горнолыжники уезжавшие форсили перед теми, кто позволил себе только ближнее Подмосковье. Трубачи, все как один, явились с красными лицами – говорили, что обветрились на зимней рыбалке. Запах перегара подтверждал: действительно, пили. А предъявить рыбу никто не требовал.

Арина в общих бахвальствах традиционно не участвовала. Пока мама была жива, на зимние каникулы они по Золотому кольцу путешествовали. Или по монастырям. Подобные маршруты в оркестре не слишком котировались. Но Люська, с которой рядом сидели, все-таки поинтересовалась:

– А ты как время провела?

– Четвертого января маму похоронила, – буркнула Арина.

– Ой! – растерялась коллега. – Мои сочувствия. То есть соболезнования.

– Спасибо, – с каменным лицом отозвалась Арина.

Больше третью скрипку никто не беспокоил. Ближе к концу рабочего дня подошел дирижер, велел:

– Зайди завтра в бухгалтерию. Там тебе матпомощь.

Взглянул пристально:

– Чувствуешь себя нормально? Работать можешь?

– Вроде не фальшивлю, – вымученно улыбнулась Арина.

– Правильно, – похвалил шеф. – Молодец. Держи себя в руках.

Еще неделю назад от столь скудных слов поддержки она бы заревела в три ручья. Но сейчас за плечами была почти неделя в антикризисном центре.

Арина ходила туда каждый день. К девяти утра, как на работу.

Терпеливо сносила множество глупостей. Пели мантру – каждый день разную, но по сто раз. Проводили женские практики – раскрывали, с помощью упражнений и песнопений, центр энергии. Расположен он был в неприличном месте, Арина страшно смущалась. Слушали лекции Балаева – очень странные, все в кучу. История древних инков мешалась с горячими призывами не есть глютен. Разумная, на первый взгляд, теория чакр прерывалась горячими призывами не вставать позже пяти утра. «Я леплю из вас совершенных людей», – любил повторять Лев Людовикович.

Паства благодарно кивала. Но Арина видела: все, как и она, ждут десерта. Медитации. Выхода в потусторонний мир.

Ученики лягут на маты, гуру достанет свою поющую чашу – и можно будет улетать. Прочь с земли. В рай.

Правда, рай общественный оказался куда скромнее персонального – того, что Балаев устроил ей в день знакомства. Маму Арина, конечно, видела. Но поговорить получалось не всегда. Иногда та являлась лишь тенью. Или шла далеко впереди – никак не получалось догнать. Балаев говорил: «Учись. Молись. Жди. Все придет».

Другие девочки (Арина, хоть и стеснялась, расспрашивала их в перерывах) достигли гораздо большего просветления. Кто-то умел управлять снами: «Моего зайчика нет со мной днем, но ночью он всегда рядом». Иные могли и безо всякой поющей чаши и расслабляющих слов вогнать себя в транс. «Но с Львом ярче получается, красивее».

Иногда Арине поручали: вымыть пол, убрать в кухне или приготовить на всех салат из фермерских овощей. Повинность она исполняла с улыбкой.

А вот основную свою работу – в одночасье возненавидела.

Кому нужен их жалкий оркестр? В чем радость – ездить по подмосковным домам культуры, играть в полупустых залах? Зачем тратить драгоценное время: учить свою партитуру, потом бесконечно репетировать?

А главное: оркестр отнимал ее от мамы.

Когда человек только отбывает повинность, это видно сразу.

Дирижер прежде вообще ее не замечал, а теперь все чаще останавливал репетицию. Прикрикивал:

– Ты, желтоглазая с хвостиком! Опять опоздала на полтакта!

Арина краснела, пыталась сосредоточиться, но через полчаса делала новый ляп.

Дирижер терпел десять дней. На одиннадцатый велел остаться. С кислым видом спросил:

– Чем я могу тебе помочь?

Арина удивилась:

– Я думала, вы меня увольнять позвали.

– Ну, что мы – звери? – укоризненно проговорил он. – У тебя психологическая травма. Да и где я скрипачку найду – на твою зарплату?

– Мне нужен отпуск, – быстро сказала она.

Дирижер прищурился:

– Будешь сидеть в квартире и рыдать?

– Нет, – заторопилась Арина. – Я хожу в антикризисный центр, мне там помогают.

– Что еще за центр?

– Ну… частный.

– Не знаю, как тебе там помогают, – безапелляционно молвил босс. – Но играть скоро совсем разучишься.

Вырвал из блокнота листок, написал что-то, протянул.

– Вот, держи. Телефон нормального врача. Обязательно позвони и сходи.

– А зачем мне к врачу?

– Уж поверь опытному, – усмехнулся дирижер. – Депрессию лучше в самом начале поймать – чем потом в дурке валяться полгода.

– Нет у меня никакой депрессии! – возмутилась Арина.

– Ой, слушай. Я с вашей творческой братией двадцать лет работаю. Вижу каждого насквозь. Попьешь таблеточек – слабеньких, безобидных – и будет полный нормуль.

– За психичку меня, значит, считаете, – буркнула Арина.

Сунула листочек в сумку, пообещала:

– Позвоню обязательно.

Зашла в туалет и порвала бумажку в мелкие клочки.

Надо уволиться. А с голоду не умереть ей Лев Людовикович поможет. Надо попроситься в центр на постоянное место жительства. Она согласна и готовить, и убирать. Даже на секс согласна. Только бы позволили присутствовать на медитациях.

* * *

Федор Константинович долго не мог поверить в смерть давней подруги. Просто в голову прийти не могло. Ведь в ночь на первое он звонил Горошевым. Приятельница веселым голосом отчиталась: сидим за столом, смотрим

«Профессионала», оливье с креветками удался.

– По нашему телевидению больше ничего нет? – усмехнулся он.

– Арина сказала: Бельмондо стоит пятерых Киркоровых.

Федор вздохнул. Неразумно поощрять дочкино затворничество. Арина от рождения бука, вечно комплексовала: лицо не то, фигура не такая. Ее бы отдать в командный спорт или в театральную студию, пусть самую что ни на есть любительскую. Встряхнуть, раскрепостить. Но матери больше нравилось, когда дочка под рукой. Вместе бесконечно чаевничать, смотреть по телевизору старые фильмы. Кто еще из молодых девушек в сотый раз плачет над старомодным «Профессионалом»? Но «Секс в большом городе», что он однажды принес, Арине решительно не понравился. И «Амели» не пришлась по душе. И «Голодные игры».

Федор Константинович с огорчением забрал диски. Подруга довольным тоном прокомментировала: «Зато с моей Ариной есть о чем поговорить».

Ну да. Поддержать беседу про «Осенний марафон», «Берегись автомобиля» и прочие старые фильмы девушка могла свободно. Только как ей это поможет выйти замуж?

О трагедии в семье Горошевых Федор узнал только на Крещенье.

До того просто не до Арины с ее мамой было. Англия затянула. Внук, дочкин сын, очаровательный Тоби не давал скучать. И сад – Федор любил в нем возиться. А еще в Ковент-Гарден на гастроли – очень удачно! – приехала российская балетная труппа. Федор пересмотрел множество постановок – за смешные деньги, в сравнении с ценами родимого Большого театра.

А когда позвонил одиннадцатого – телефон в квартире Горошевых не ответил. «Аринка на работе, мама в магазин, наверно, пошла», – решил он. И снова не проявил настойчивости.

От каникул прихватил еще неделю, вернулся в Москву и лишь девятнадцатого наконец застал Арину и узнал, что случилось.

Рассердился:

– Почему ты мне сразу не позвонила?

– А где мне ваш лондонский телефон было брать? – буркнула девушка.

Это верно. Его подруга не держала записных книжек. Дочь могла банально взять материн аппарат и всех абонентов обзвонить, но от Арины активности (какой бы то ни было) ждать не приходилось.

– И что ты сейчас? Как?.. – осторожно произнес он.

– Нормально, – спокойно ответила девушка. – Я ушла из оркестра, теперь на новой работе.

– На какой?

– В антикризисном центре.

– Чем занимаешься?

– Клиентов привлекаю.

– Ты?! Привлекаешь клиентов?! – Федор опешил.

Арина дорогу спросить стеснялась, на рынке сроду не спорила – даже если ее нагло обсчитывали. Как она может кого-то там привлекать?

– Что еще за центр?

– Антикризисный центр духовного развития.

– Арина, ты сегодня вечером будешь дома?

– Э-э… я точно не знаю.

– Совсем вечером. В девять, в десять.

– Я не всегда прихожу домой, – промямлила она. – Иногда остаюсь ночевать. В центре.

Час от часу не легче.

Но давить на девушку он не стал. Спокойно спросил:

– Хорошо. В какой день ты точно сможешь меня принять?

– Ну, не знаю, – в ее голосе засквозило раздражение. – Давайте в выходные. Только в квартире у меня не убрано. И никаких разносолов не будет.

– Я переживу.

Едва положил трубку, Федор вбил духовных развивальщиков в поисковик. Официально такой организации не существовало. Но ссылки имелись. Много восторженных: «Здесь меня сделали счастливой!» И не меньше гневных: «Шарлатаны. Дурманят людям мозг, обдирают как липку».

Арина, значит, для этой чудесной организации клиентов находит. Все понятно. Не прошло и месяца – неприспособленное создание в секту попало.

И что теперь прикажете делать? Хватать за руку, тащить из вредного антикризисного центра прочь?

Но послушается ли его тридцатидвухлетняя особа?

«Никуда не денется – если я ее к себе домой заберу». – Мелькнула вдруг мысль.

Федор замер. Прислушался к себе.

Он искренне симпатизировал Аришке. Давно. С ее подростковых времен. Едва видел неприкаянную мордаху, печальный взгляд, сердце сразу екало. Что за бытие у девчонки. Живет рабыней при властной мамочке. В тепле и комфорте –

но без намека на счастье.

Очень хотелось отогреть ледышку. Показать ей другую жизнь. Сделать, в конце концов, женщиной.

Но Аринина мать клялась: девочка считает его очень старым. Хихикает над его сединами.

И он верил. Может быть, зря?

* * *

Ее предложение: помогать в центре с уборкой Лев Людовикович сразу отверг:

– Очередь из желающих. И хозяйка ты, Арина, не самая лучшая.

Она потупилась. Чего оправдываться? Мыть посуду и полы начала только сейчас. Прежде мама все делала.

Взглянула на гуру жалобно:

– Я хочу к вам каждый день приходить, но приходится еще на работу. А вы не можете меня только на медитацию пускать? Я бы тогда успевала.

– Арина, исключено. – Он сурово помотал головой. – Нужно проходить весь комплекс в целом. Для тебя нужно. Иначе бессмысленно. Никаких результатов не добьешься.

– Тогда буду только по выходным, – печально вздохнула она.

– Есть еще вариант. Приводи в центр новичков. Один человек – один день для тебя. Жилье, питание, вся дневная программа.

– Жилье?

– Многие остаются. Не хотят тратить время на дорогу.

– Но я совсем не умею работать с людьми, – потупилась Арина. – Меня никто не послушает.

– Надо знать, где искать. В ночном клубе успех вряд ли будет. Тебе нужны те, кто переживает горе. Иди на кладбище. В церкви. На Крымский мост, – усмехнулся Лев. – Где ты сама стояла. Только не надо обещать: «Вы, мол, встретитесь со своими близкими». После подвигов Грабового это пугает. Упирай на психологическую помощь. Очень эффективную, практически бесплатную.

Арина не сомневалась: ничего у нее не получится. Но все-таки решила попробовать. Все лучше, чем возвращаться в постылый оркестр.

Первую клиентку нашла случайно. Приехала проведать мамину могилку и увидела – в соседней аллее, подле свежего захоронения, рыдает девушка.

Арина молча подала ей воды. Когда беднягу начала колотить дрожь, сняла с себя шарф, укутала.

– Че те надо? – Наконец обратила на нее внимание потенциальная клиентка центра.

– Ничего. У меня тоже мама три недели назад умерла. Понимаю, как тебе плохо.

– Ничего ты не понимаешь!

– Мы жили вдвоем. Больше у меня никого не осталось.

– Значит, ты не любила ее! – взвыла девица. – Не ходила б иначе с довольной рожей!

Арина не обиделась. Спокойно отозвалась:

– Страдала побольше тебя. Собиралась с собой кончать. Спасибо, сняли – прямо с Крымского моста. И отвели в антикризисный центр.

– Это что еще такое? Типа дурки?

– Нет. Никаких таблеток. Чистая психология. Много всякой мутни, конечно. Но помогли. Знаешь чем? Я маму во сне стала видеть. Каждую ночь.

– Да ладно!

– Честно. На кладбище с тех пор езжу – больше не плачу. Спокойно с ней разговариваю, рассказываю, как у меня день прошел. И уверена: она меня слышит.

– Брехня! – решительно отозвалась девица.

– Не хочешь, не верь, – Арина поднялась с ледяной кладбищенской скамейки. – Шарф можешь себе оставить.

– Хотя… – слезы у девушки начали подсыхать. – Чего б не попробовать? Водка уже не помогает.

Приехала вместе с Ариной в антикризисный центр. Скептически улыбалась. И даже осмелилась задавать ехидные вопросы во время лекции Балаева. Но после медитации вышла с просветленным лицом. Бросилась Арине на шею:

– Спасибо тебе! Я… я просто не думала! Она совсем рядом со мной была!

Лев Людовикович Арину похвалил. Пообещал приятнейший бонус: за каждого клиента, что новенькая приведет, Арине дополнительный бесплатный день. Такая очень приятная пирамида.

Она воодушевилась, бросилась на новую охоту. И ей везло куда больше, чем пробивным да напористым.

Народ привык гнать настойчивых свидетелей Иеговы с порога. А скромная девушка, которая ни на чем не настаивала и сама только что потеряла мать, убеждала куда эффективнее. За пять дней работы Арина себе целый месяц в антикризисном центре обеспечила.

С удовольствием уволилась из оркестра.

Но в самом конце января Лев Людовикович объявил: на весь февраль он уезжает. Паломничество в Индию. Хампи. Варанаси. Другие святые места.

– Кто желает, может ехать со мной.

Озвучил сумму – для Арины неподъемную.

– А нам что делать? – жалобно загудели неплатежеспособные клиенты.

– Центр продолжит свою работу, – оптимистично заверил Балаев. – У меня много учеников. Они будут проводить медитации вместо меня.

Но только в первый же вечер без гуру Арину ждало жесточайшее разочарование. Начиналось все как при Льве. Мягкие слова настройки. Пронизывающие звуки поющей чаши. Тело привычно расслабилось. Мозг слегка поплыл. Арина привычно устроилась перед черным экраном закрытых глаз. Какое кино покажут сегодня? Вчера – они с мамой ездили в лес, долго бродили без особых успехов, а потом вдруг вышли на поляну, просто усыпанную опятами. Веселились, соревновались: кто больше грибов настрижет.

Но тщетно она вглядывалась в черноту. Обычно, когда Лев практику проводил, в какой-то момент Арина переставала слышать его голос, полностью погружалась в себя, в свой внутренний мир. Но сегодня до нее доносилось и бормотанье инструктора-девушки, и громыхание чаши. А картинки никакой не было. Только мысли в хаосе мчались.

Когда практика закончилась, новая ведущая усадила паству в позу учеников, заверила: настроиться на волну группы непросто. Кто не смог увидеть своих близких сегодня, обязательно встретит их завтра.

Но только и назавтра Арина неплохо расслабилась, отдохнула. Даже увидела мини-сон: почему-то вдруг дядю Федора. А мама – опять к ней не пришла.

* * *

– Мама, сколько лет январю?

– Почему спрашиваешь?

– Ты в туалете книжку оставила. «Январь, старик в державном сане, садится в ветровые сани».

– И что тебя смущает?

– Почему он старик – если это месяц только первый?

– Поэт Игорь Северянин так решил.

– А ты тоже считаешь, что январь – старик?

– Нет. Я думаю, он – совсем мальчик. Хороший, но не всегда разумный. Примерно такой, как ты.

– Да ладно! А почему у него тогда получается? Все заморозить, вьюгу, метель запустить?

– Но ты ведь у меня тоже сильный. Пакеты из магазина всегда несешь.

– Мам! Давай не про меня – про январь!

– Я про него и говорю. Январь кое-чему уже научился, но многое ему пока не под силу. Поэтому часто ошибается. Знаешь, как его в народе называют? Просинцем.

– Кем-кем?

– Январь так яростно и неумело морозит, что мелкие речки замерзают до дна. Вода выступает на поверхность и лед в просинь красит. Вот почему просинец.

– А я тоже не всегда могу себя контролировать. Витьку только напугать хотел, а теперь у него фингал. Меня в школе ругают.

– Вот видишь. Но все равно маленьким и неразумным быть лучше, чем старым и мудрым.

– Зато взрослым можно делать что хочешь.

– Успеешь ты еще поделать что хочешь. Все впереди. Жизнь только разгорается.

– Мам, опять ты про меня. Расскажи лучше про Январь.

– А что Январь? Ростом он с тебя. Только светленький. Кожа бледная, волосы совсем белые. Любит бегать – тогда получается вьюга. Часто злится – тогда ударяет мороз. Но он добрый. Искренне хочет людям помочь.

– Как?

– Помнишь, я тебе читала повесть Пушкина «Метель»? Ты там не все понял.

– Да все я понял!

– Там ведь именно январь чудо сотворил. Чтобы девушка замуж не вышла за нелюбимого – сбил обоих с дороги.

– Значит, он хороший.

– Да. Он хороший, но шаловливый. Как все дети.

* * *

Арина водила его за нос почти неделю и только в самом конце января соизволила принять. Поначалу Федор Константинович опешил – прежними в квартире остались лишь планировка и мебель. Аринина мать ненавидела пыль, каждый день, словно хищная птица, высматривала: нет ли где залежи? Намывала полы, протирала каждую висюльку у люстры. Пока мать была жива, дочка иногда тоже снисходила до тряпки. Но сейчас хозяйство пришло в полный упадок. Пол в прихожей затоптан, пыль скаталась в клубочки, грязная посуда по всей квартире. «Но бутылок-бокалов нет, – отметил Федор. – Уже хорошо».

Аришка никогда особо не интересовалась спиртным, но сейчас, когда потеряла единственного близкого человека, мало ли что?

Он попросил чаю.

– Сейчас, – кивнула Арина.

Бухнула в чашку пакетик. Традиции заброшены. Ее мама всегда священнодействовала. Заваривала в чайнике. Добавляла травы.

– Печеньки есть деревянные, – предложила гостеприимная хозяйка.

– Давай.

Мужественно проглотил старинное курабье. Сама Арина к угощению не притронулась.

– Чего не ешь?

– Аппетита нет.

Федор взглянул внимательно. Девушка бледная, безучастная. Под глазами круги. В отчаянии прыгнула кому-то в объятья и забеременела?

– Засверлили вы уже меня глазами своими, – буркнула Арина. – Не волнуйтесь. Не пью, не курю, по мужикам не шляюсь. А беспорядок – мое личное дело.

Хотя бы признает по-прежнему, что он имеет право: знать об ее жизни.

– Ариша, – Федор отхлебнул невкусного чая, – а можно я тоже схожу в твой антикризисный центр?

– Да что вы привязались к нему? – психанула девушка. – Это не секта, не вертеп. Обычный йоговский клуб.

– А чего ты тогда так в него рвешься?

– Ну… люди там приятные. Полезным вещам учат.

– Например?

– Как дышать, чтобы подавить гнев. На ощущениях сосредотачиваться.

Взглянула с вызовом:

– А главное – как о своих проблемах забыть. Причем без всякого алкоголя и наркоты.

– Слушай, ну поделись тогда. У меня на работе не все гладко идет. Приходится коньяком стресс снимать.

– Спиртное – путь слабых, – презрительно молвила Арина, похоже, гуру своего процитировала.

– А что делают сильные?

Спросил с искренним интересом. И Арина мигом перестала ершиться, посмотрела жалобно:

– Они умеют контролировать свои сновидения. Могут общаться с кем угодно. Я несколько раз с мамой встречалась. Разговаривала с ней. Курить бросила – потому что она меня попросила.

Федор опешил:

– Ты действительно ее видела?

– Да.

– Но как это возможно?

– Не понимаю я, как. Уже в Интернете искала, книги читала. Вроде обычная восточная практика. Называется йога-нидра. Сначала полное расслабление, потом концентрация на всех частях тела. Дыхание по особой схеме. Пытаешься холод почувствовать, жару. Чтобы тело тяжелым стало, потом невесомым. А дальше – перед тобой вроде как экран открывается. И ты одновременно спишь и не спишь. Но можешь видеть, очень ярко: людей, события. Фильмы целые. Учитель наш говорит: это отражение ума. Вот я и видела самое дорогое.

Федор молчал, переваривал. Йога-нидра, значит. Что-то слышал. Довольно безобидное. Вроде как обычная релаксация. Но никто и нигде не писал, что во время этой практики можно встречаться с мертвыми.

Вслух произнес:

– А ты дома не можешь делать эту свою нидру?

– Нет, – вздохнула Арина. – Мысли бегут, мешают. Расслабиться не могу. Надо с учителем практиковать.

И вдруг разрыдалась:

– Но сейчас он уехал, и все кончилось! Другой инструктор ведет, и ничего у меня не выходит. Экран черный есть, а мамы нету. Я зову ее, кричу – и не вижу больше. А я не могу без нее, понимаете?!

Федор отставил чашку. Подхватил худышку на руки, отнес на диван, укрыл пледом, сел рядом. Еще долго слушал: про гения по фамилии Балаев, про то, что тот спас ее от самоубийства, и как Арине хочется снова оказаться рядом с мамой.

А когда слезы у его подопечной наконец высохли, деловито произнес:

– Арина, а зачем тебе это?

– Что?

– Ну, быть с мамой?

– Мне плохо без нее!

– Мне тоже плохо. Но она умерла. Отпусти ее. Пусть уходит.

– Нет! – отчаянный, детский выкрик.

– Душа мертвого неспокойна, когда ее с Земли тревожат.

– Но я не могу одна!

– Эх, – вырвалось у него. – Зря мама держала тебя на цепи. Птенцы должны вылетать из гнезда. А ты так и осталась воробушком.

– Не говорите так!

– Хорошо, не буду. Но давай, раз ее уже с нами нет – попробуем с тобой новую жизнь построить. Без мамы.

– Как? – она взглянула дико. Опасливо забилась в угол дивана.

Да. Дикого зверька легко не приручишь.

Федор улыбнулся:

– Мне приятель из турфирмы навязал путевку на две недели. Горела и совсем сгорела. Выезжать надо было вчера. Но сегодня тоже примут.

– Не поеду я никуда!

Пришлось наврать:

– Ко мне, между прочим, тоже приходит твоя мама. Во сне. Безо всякой йога-нидры. И насчет дома отдыха – это она попросила.

Арина взглянула просветленно:

– Правда?

– Честно. Так и сказала: «Арине надо развеяться. Помоги ей, пожалуйста». Номер люкс. Подмосковье. Сосновый лес. Миллион развлечений: лыжи, коньки, косметологи. Питание, спа, бассейн – все включено. И даже фитнес-инструктор положен.

– Что я там делать буду? – возмущенно спросила Арина.

Вот он, продукт старорежимного воспитания. Девочки должны пить чай и смотреть телевизор с мамой, но никак не разъезжать по пансионатам.

– Ариша, – мягко произнес Федор Константинович. – Тебе тридцать два года. Любая ровесница тебе скажет: в этом возрасте обязательно надо ходить к косметологу. И мышцы нужно подкачать. Пусть ты худая, но когда кожа висит – некрасиво.

– Мне все равно, – отмахнулась она. – Для кого стараться-то?

– А ты журналы глянцевые тоже не читаешь? – с нарочитым ужасом спросил он.

– Не-а. Только «Антенну».

– Вот и зря. В модных журналах из номера в номер пишут: красивой надо быть – исключительно для себя.

– Мне это все равно не грозит, – вздохнула Арина. – Хоть обходись по косметологам – уродиной была, уродиной останусь.

– А просто для удовольствия? Знаешь, какое чудо – тайский массаж? Или шоколадное обертывание? Куда приятнее твоей йоги-нидры.

– А вы на это все ходили, можно подумать.

– На массаж я все время хожу. А про обертывания мне дочка рассказывала. Что каждый раз улетает в нирвану.

И продолжил напирать:

– Ну вот, что, скажи, тебя держит? С работы ушла. Инструктор твой любимый уехал. Путевка все равно пропадет.

Может, предложить ей вместе поехать? Нет. Перепугается окончательно.

– Буду там белой вороной, – проворчала она.

– Не понравится – звони. Привезу обратно.

И Арина обреченно произнесла:

– Пристали как банный лист. Что делать. Деньги ваши. Давайте съезжу.

* * *

Хуже всего было идти на завтрак. Арина старалась пораньше, но все равно: в ресторане пара столов всегда занята. И как будто специально усаживаются, чтобы на нее глазеть.

Она и так не красавица, а утром – чудовище. Глаза заплывшие, лицо серо-бледное. Местный врач ее даже на консультацию позвал. Осмотрел, велел меньше жидкости вечерами и обязательно высыпаться. А как прикажете спать? После маминой смерти она – будто пружинка срабатывала – стабильно подскакивала в четыре утра. И все, сна ни в одном глазу. Овец считать бесполезно. Единственное, что помогало, – стакан теплого чая с сахаром. Лучше два. Заснуть удавалось, но лицо утром отекало безбожно.

А пансионатная публика выглядит, будто каждого еще в постели косметолог обиходит. Румяненькие, свежие. Нарядные.

Арина, вспоминая их с мамой поездки в дома отдыха, собиралась ходить на завтрак в спортивном костюме. Но первый раз надела и поняла: в тренд не попала. Дальше спускалась в ресторан в джинсах и водолазках. И все равно полностью терялась среди чужих ярких красок, стильных кардиганов, твидовых

брючек, ярких пончо, элегантных шалей.

Будь в пансионате обычный заезд, оказалось бы легче. Но, как назло, сейчас студенческие каникулы. И некрасивая худая девушка с желтыми глазами почему-то весь молодняк чрезвычайно веселила. Только ленивый в остроумии не упражнялся. Беззлобно. Без угрозы. «Вон печальная селедка пошла». «Унылое создание уныло ест свою унылую свеклу». А одна из студенточек, когда стояли рядом на раздаче за обедом, вежливо спросила:

– Скажите, вы в библиотеке работаете?

Придумывать себе легенды Арина не умела, поэтому ответила правду:

– Нет. Я играю на скрипке.

И вызвала просто гомерический взрыв хохота.

Поначалу было обидно, потом просто внимание обращать перестала.

Все равно в пансионате оказалось лучше, чем в квартире. Тут хотя бы смертью не пахнет. А с остряками-студиозусами Арина старалась не пересекаться. В бассейн ходила вечерами, когда остальные на дискотеке. В спортивный зал являлась рано утром. Персональный тренер, который вроде бы входил в стоимость, внимания ей не уделил. Окинул единственным оценивающим взглядом, сухо сказал: «Захотите поработать на тренажерах – я к вашим услугам». Но своим видом дал понять: лучше не подходи.

Арина с опаской оглядела сооружения, похожие на орудия пыток, и решила: ни бицепс, ни трицепс ей качать не нужно. Выбрала самое простое: крутить педали велотренажера и смотреть телик, шагая по беговой дорожке.

Девушка изо всех сил старалась, чтобы у нее не было времени для раздумий. Составила себе плотное расписание. Плавала, бегала, гуляла, каталась на лыжах. Даже на ингаляции и в соляную пещеру ходила – в вечно пустое медицинское отделение. Но забыться все равно не получалось. Хотя горе сейчас было иным, чем в январе.

Тогда она именно по матери тосковала. А сейчас – особенно когда встречи в астрале прекратились – больше жалела саму себя. Как получилось, что жизнь сквозь пальцы утекла? Чего она добилась за целых тридцать два года? Ни мужа, ни детей, ни друзей. А умение очень средненько пиликать на скрипке достижением не назовешь.

В милом мире, рядом с мамой, было так хорошо, что и стремиться никуда не хотелось. Уют, дом, телевизор. Полное понимание. Непреходящее чувство безопасности. А сейчас даже непонятно, с чего начинать. Идти в институт? Но на кого?! Искать новую работу? Где и кем?!

Ох, стало бы все как прежде. Когда мама рядом с ней.

Арина несколько раз пыталась использовать технику Льва Людовиковича, чтоб вызвать мамочкин образ, попросить у нее совета. Но ничего не выходило.

И тогда она – совершенно случайно! – разработала собственный метод. В шутку назвала его «медитация лыжных гонок».

Поначалу Арина собиралась освоить горные лыжи – благо в пансионате имелись и подъемник, и отличная горка для новичков. Но на ней все время торчали насмешники-студенты, и девушка решила не подставляться. Начнет падать у всех на глазах – еще больше издеваться станут.

Зима, лес кругом. Можно и на обычных покататься.

Равнинные лыжи популярностью не пользовались. Арина еле нашла старичка, который открыл ей прокат. Зато инвентарь достался – новенький, легкий. Никакого сравнения с деревяшками, на которых они с мамой катались.

В рекламном проспекте пансионата заверяли, что лыжню в лесу каждый день прокладывает специальный человек. На деле им оказалась сама Арина. Поначалу небольшие круги нарезала – боялась заблудиться, потом стала забираться все дальше и дальше в лес.

Она каталась в любую погоду. И особенно ей нравилось нестись по лесу в сумерках, да еще когда метель. Краски смазаны, снежинки в лицо, ветер

свистит, лицо горит, лес нависает черно-белым куполом. И очень легко представить, что мама тоже рядом с ней. Только чуть-чуть отстала.

А если разогнаться до предела своих возможностей, когда сердце стучит из последних сил, дыхания не хватает, – то наступало еще более странное, на грани яви и сна, состояние. Арина мчится, ветер вышибает слезы – и возникают полностью фантастические картинки. Будто ей всего двенадцать, и она в совсем другом доме отдыха – вместе с мамой. Там завтракать все ходят в лыжных штанах и тапочках. А на ужин дают вкуснейшие макароны с печенкой. Но все равно получается голодновато, поэтому отдыхающие обязательно ходят на лыжах в ближайшую деревню. В местном сельпо очень вкусная селедка и серый, часто еще теплый хлеб. Арина и вкус, и запах его ощущала. А главное – чувствовала невидимое присутствие и постоянную защиту мамы.

Постепенно она привыкла, что зимний лес – принадлежит только ей. Ей одной что-то шепчут высоченные ели, ради нее, единственной зрительницы, с деревьев торжественно и печально осыпается снег.

Но однажды, когда вьюга завывала особенно яростно, Арина выехала на свою любимую полянку и опешила. На поваленном дереве, спиной к елке, сидел человек. Неподвижный, безучастный. А вокруг – ни лыжни, ни следов.

Она перепугалась. Из какого он мира – настоящего или того, что двадцать лет назад? Или вообще мерещится? Холод, ветер, хлопья снега в лицо – а фигура совсем застывшая. Только огонек сигареты мерцает.

Просто развернуться и прочь? Но любопытство пересилило. Подъехала поближе, робко спросила:

– Вы кто?

Видение медленно повернуло голову в ее сторону. Пыхнул ароматный дымок. Румяные щеки, несерьезная щетинка вместо усов. Да это мальчишка совсем! Даже не студент – школьник.

Он повращал глазами, сфокусировал взгляд. Медленно проговорил:

– Печальная селедка приплыла.

Арина отшатнулась.

Парень столь же тягуче, будто слова давались с огромным трудом, продолжал:

– У тебя янтарные глаза. Как у тигра. И лицо мадонны. Потерявшей младенца.

И вдруг сунул ей сигарету:

– На. Затянись.

Арина даже в школе, когда начинала курить и сигареты добывать было совсем непросто, никогда ни за кем не докуривала. Брезговала. Тем более зачем это делать сейчас, когда она уже больше месяца, как бросила? Но было в лице мальчишки что-то неземное и очень властное.

И она, словно бы под гипнозом, взяла сигарету и затянулась.

Сразу закашлялась, на глазах выступили слезы. Парень, по-прежнему медленно и смазанно, констатировал:

– Диагноз ясен. Девственница. Слушай урок. Сначала набираешь дым в рот. Потом затягиваешься. Очень медленно. В три приема. Вот так, на весь объем легких. Поняла?

– Это… наркота? – с ужасом спросила Арина.

– С ума сошла! Это березовая кора.

– Врешь.

– Береза – символ России. Однако сильно недооценена. Поверь: цепляет потрясающе. И хмель приятный, легкий.

– Нет, я не буду.

– Значит, никогда не найдешь.

– Кого?

– Ты постоянно рыщешь здесь, в лесу. Значит, кого-то потеряла, – ухмыльнулся он.

Краска бросилась в лицо. Откуда он знает?

Арина пробормотала:

– Я просто катаюсь на лыжах.

– Не ври мне, я сейчас просветлен. Вижу тебя насквозь.

И взгляд – мутный, властный. Исподлобья.

Снова протянул сигарету, и Арина, хотя когда-то обещала маме не прикасаться к токсинам – а как еще эту березовую кору назвать?! – послушно затянулась. На сей раз по правилам. Глубоко.

В первую секунду не почувствовала ничего. Потом вдруг в лицо ударила кровь, в мозгу застучало приятными молоточками. Парень показался ужасно милым.

А дальше случилось чудо.

В лесу, всего метрах в десяти, мелькнула такая знакомая мамина сиреневая куртка.

Арина поспешно сунула сигарету мальчишке и бросилась за ней.

– Ты куда? – крикнул вслед парень.

Она не обернулась. Мама! Рядом, здесь.

«Арина, прекрати! – уговаривал разум. – Тебе показалось. От этой коры — совсем ум за разум».

Но девушка все разгонялась и разгонялась. В ушах свистел ветер. Где-то вдалеке звенел мамин голос: «Арина, быстрее! Я тебя жду!»

Погоня продолжалась с километр, а потом мама обернулась, помахала ей рукой и растаяла в воздухе.

Арина остановилась. Поморгала. Все.

«Действие березовой коры кончилось», – ехидно констатировал разум.

«Но я видела ее!» – упорно отозвалась она.

И уныло поплелась назад.

До поляны, где встретила курильщика, добиралась почти час. Не сомневалась: мальчишка давно ушел. Но нет: все еще сидит. Совсем повалился на дерево, глаза закрыты. Куртка, шапка припорошены снегом. Смеркалось, метель усиливалась. Что с ним? Накурился до смерти?

Арина с опаской приблизилась, тронула за плечо:

– Эй, ты живой?

Бледные, подернутые синевой губы пробормотали:

– Селедка… я в прекрасном, солнечном мире.

Руки ледяные, на щеках белые пятна.

– Ты замерзнешь! Умрешь!

– Нет, янтарь-девушка. Я просто уйду в другой, лучший мир.

Арина растерянно оглянулась. Шесть вечера. Тьма кромешная. Черные купы елей нависают над головой. Мобильник то и дело вылетает из зоны приема. Снега – по бедра, а то и глубже.

– Как ты пришел сюда?

– По воздуху.

И правда: ни намека на следы. Хотя сегодня метель, ее лыжня тоже еле заметна. Но все-таки видна.

– Эй, слышишь меня? Я сейчас домчусь до пансионата и пришлю кого-нибудь за тобой.

– И плохого ма-альчика Костю буду-ут опять руга-ать! – голосом капризного ребенка протянул парень.

– Кто тебя будет ругать? С кем ты приехал?

– С ма-амочкой.

– Как ее зовут? В каком она номере?

– Ладно, шучу.

Он тяжело поднялся. Пошатнулся. Уперся руками в ель. Пробормотал:

– Тут где-то лыжи валяются.

– Где именно?

Показал неопределенно рукой. Арина послушно присела на корточки, начала разгребать снег. Мальчик Костя насмешливо за ней наблюдал. Когда девушка выкопала маленькие охотничьи лыжи, принял их из ее рук как должное. Вместо «спасибо» хмыкнул:

– Ангелы тебя не простят.

– Чего?

– Самая лучшая смерть – тихо замерзнуть в нирване. Был бы сейчас в раю, на лютне играл. А тут тебя черт принес.

Она вгляделась в его лицо. Юное, точеное, очень красивое. Спросила с искренним любопытством:

– Сколько тебе лет?

– Можешь поржать. Пятнадцать.

– Так ты что, правда, сюда с мамой приехал?!

Костя неловко пристегнул лыжи. Буркнул:

– Она рвалась. Я отшил. Слава богу, студент. Имею право ездить один.

– Как это: в пятнадцать лет и студент?

– А вот так. Маменька самоутверждалась. С пеленок третировала и своего добилась. Дитенок-вундеркинд получился. Ток-шоу, журналисты. Костя Клыков, самый юный студент психфака. Неужели не слышала никогда?

– Не-а.

– А я тебе автограф хотел дать. Ладно, потащились домой.

Арина хотела пойти первой, но мальчишка не дал:

– В жизни бабе не доверю дорогу искать.

Спорить она не стала. Покорно ждала сзади, когда Константин оступался. Врезался в дерево, падал в снег.

– Будь ты неладна, сельдь! – ворчал парень. – Лыжню проложила кривую!

А она восхищенно думала: вот бывают ведь такие люди. В пятнадцать лет – студент. Красивый, уверенный в себе. Она его старше вдвое, но безоговорочно готова искать ему лыжи, пропускать вперед, терпеть упреки.

До пансионата добрались только к восьми.

– Ужин йок, – констатировал мальчишка. – Значит, они нас сами вынудили. Теперь – для разнообразия! – попробуем кору дуба.

– Что?!

– Неужели не слышала никогда? Отличное народное средство. Ее даже в аптеках продают.

– Ты издеваешься надо мной?

– Селедка, я, наоборот: расцвечиваю твою жизнь красками! – хмыкнул он. – К тому же кора дуба прекрасно отбивает аппетит.

– Костя! Но ведь это… вредно!

Мальчик отвернулся от нее. Фонарь бросал на его лицо бледно-мертвенный отблеск. Слова звучали глухо:

– Но уже пора идти отсюда. Мне – чтобы умереть. Вам – чтобы жить. А кто из нас идет на лучшее, это никому не ведомо, кроме бога.

– Что это?

– Последние слова Сократа, – вздохнул Костя. – Ладно, забей. У меня в башке таких фенечек миллион. Ну что? Пошли курить?

– Нет, спасибо.

Она секунду поколебалась и добавила:

– Ты щеки отморозил. Надо помазать чем-нибудь.

– Пойдем к тебе. Помажешь.

– Но…

– Селедка, не трясись. Насиловать не буду. Мне просто хочется, чтоб кто-то рядом был.

И ощущение, будто магнитные волны от него исходят, притягивают.

«Поймают нас в моем номере. Что дядя Федя скажет?» – в отчаянии подумала она.

Но Костя уже властно взял ее вялую ладошку своей сильной рукой. Велел:

– Веди.

В комнате – сразу расположился как хозяин. Достал из мини-бара бутылочку коньяку, орехи. Открыл, хлебнул, передал ей:

– Аперитив.

– А в пятнадцать лет разве алкоголь можно?

– Ой! – хихикнул он. – Сельдь, так это ведь ты нарушила закон! Меня к себе в номер привела. Тебя теперь могут за совращение малолетних привлечь! Лет пять дадут.

Она отчаянно покраснела. А Костя цыкнул:

– Быстро пей, пока я в полицию не заявил!

И снова она послушно исполнила его волю, глотнула обжигающего пойла.

– Умничка. Прямо хоть женись на тебе.

Арина опустила голову. Промолчала.

– Девки на моем курсе в таких случаях говорят: «Сначала пиписку отрасти!» – хихикнул Костя. – А ты чего такая вялая, сельдь?

– У меня мама умерла, – вырвалось у Арины.

– И че? Кайф. Бабки. Свобода! Я б только радовался.

– А у меня хорошая мама была, – вздохнула девушка.

– Да неужели? – хмыкнул он. – Хорошие – дочек замуж выдают и внуков в школу водят.

– Не говори так!

– У нас пока свобода слова. У нормальных матерей счастливые дети. – Он скрипнул зубами. – А из тебя что выросло?

«Откуда он знает? Так много знает – обо мне?!»

Но Косте уже надоело вести беседы. Решительным тоном он подвел итог:

– В любом случае моя волшебная кора дуба исправит любой трабл[1 - От английского trouble – проблема.].

Вытащил из внутреннего кармана трубочку папиросной бумаги, какие-то ошметки в целлофане – по виду и правда похоже на дерево, пахнет опилками. Велел Арине:

– Ножницы мне подай.

Она притащила маникюрные. Пока Костя священнодействовал, робко напомнила:

– Тебе щеки надо помазать.

– Надо – бери сама и мажь, – отрубил он.

Арина в ответ промолчала. Но мазь положила на стол. Константин к тюбику не притронулся. Ловко скрутил две сигаретки. Одну протянул ей и глумливо произнес:

– Командир корабля желает вам счастливого полета.

Щелкнул зажигалкой – однако папироски не поджег. Сердито произнес:

– Чего ты трясешься? Смотреть противно.

– Боюсь, – честно призналась она.

– Чего? Говорю тебе: кора дуба – лекарственное растение. Оно не запрещено.

– Другого. У меня ведь настоящее видение было. От единственной затяжки. Когда мы березу курили.

– Счастливка, – вздохнул он. – Это бывает: когда не по-детски вштыривает. С ерунды.

– А что сейчас со мной будет?

– Тебе будет хорошо.

– А что я увижу?

– Сельдь, да без разницы, что ты увидишь. Тебе экспериментировать обязательно надо!

– Зачем? – Арина не удержалась от улыбки.

– В терапевтических целях. Ты себя в зеркале видела? Ходишь, озираешься затравленно, как хорек. Для тебя любое, что дает раскрепощение, – эликсир.

– А вдруг я с ума сойду?

– Не волнуйся. Ты для этого слишком занудна.

* * *

Ничего у них с красавчиком-подростком не случилось – хотя Арина (очень втайне) надеялась.

Пришли в себя одновременно. В разных концах комнаты. Он развалился на ее кровати. Она скрючилась в кресле. В окошко робко просился скудный февральский рассвет.

– Ох, сельдь! Ну, у тебя и видок! – хихикнул Костя.

– А ты красивый, – спокойно отозвалась в ответ.

Что он там ей за лекарственные растения дал – бог весть. Но раскрепостило ее мощно, ярко, полностью.

Настроение беззаботное, детское, летнее. Может, разбежаться и бухнуться на кровать, перепугать Костю?

Но его взгляд сказал: «Не смей».

И Арина покорно отправилась в ванную. Долго умывалась, массировала лицо, похлопывала веки. И в зеркале себе даже почти понравилась. Надо ей подчеркивать желтый цвет глаз подводкой кофейного цвета. И худые щеки тоже можно румянами маскировать, где-то она читала.

Вышла из туалета с улыбкой.

– Чего сияешь, селедка? – усмехнулся Костя.

– Ой, ты, наверно, не поверишь. Мне было так хорошо! Я летала всю ночь. Индия, море, Арктика, джунгли какие-то, дикари. Драки, карнавалы. А я – все время сверху, у людей над головами. Все видно и безопасно. Фонтаны Лас-Вегаса видела. Катманду – еще до землетрясения, когда все ступы были целы. Китов на Мадагаскаре.

– Класс! – оценил он. – А я просто дрых. Башка, блин, дурная. Ладно, пойду перья чистить. Сколько времени?

– Девять.

– Блин, в десять маман явится. Повезет меня обратно в тюрьму. Дай коньяку еще.

– Не дам. Твоя мама на меня тогда точно в полицию заявит.

– Трусиха противная, – буркнул Костя.

Арина услужливо предложила:

– Давай, лучше тебе кофе сварю. У меня кипятильник есть.

– Спасибо, милая моя селедка, – усмехнулся он. – Как мне тебя осчастливить за твою доброту?

И вдруг бережно достал из внутреннего кармана аккуратную бархатную коробочку:

– Держи. От сердца отрываю.

Арина с любопытством взяла. Шальную мысль: «Вдруг внутри кольцо?!» безжалостно отогнала.

Открыла. Заглянула. Внутри – крошечная таблетка. Запаяна в целлофан.

– Это что? – растерянно пробормотала Арина.

– Волшебный эликсир.

– Чего-чего?

– Особая, только избранным доступная таблетка. Просто запиваешь ее водой – и начинаешь путь к себе. Через тернии к звездам. Ну, говори быстро: берешь?

– Нет, – решительно произнесла Арина.

– Блин. Старая, но глупая. Все тебе расчехлонивать надо!

– Чего?

– Ой-е! Ты узбечка, что ли? По-русски не понимаешь? Икслеймить. Разжевывать. В рот класть. Сколько тебе лет? Тридцать или два?!

– Тридцать два, – глупо улыбнулась она.

– Ну вот. Почти угадал. Ума только не нажила. Ты про Альберта Хофмана хотя бы слышала?

– Нет.

– А про Станислава Грофа?

– Откуда?

– Вот темнота. Это знаменитые психиатры. Исследователи. Это экспериментальное лекарство всю их жизнь перевернуло. «Я почувствовал, как удар божественной молнии выбил мое сознание из тела. Я перестал осознавать присутствие ассистентки, лаборатории, психиатрической клиники, Праги и всей планеты. Мое сознание распространялось с невообразимой быстротой и мгновенно достигло космических измерений. Границ и различий между мной и мирозданием больше не существовало». Понимаешь, сельдь?! Ты тоже свою

жалкую жизнь перевернуть сможешь!

– Нормальная у меня жизнь. Переворачивай лучше свою.

– Эх ты! – Костя вздохнул. – Как тебе еще разжевать? Этого эликсира в открытом доступе нет. Я с огромным трудом добыл. Можно сказать, с риском для жизни. И дарю тебе от души. А ты мне трэш гонишь.

– Костя… А может, мы вместе? – робко предложила Арина.

– Доза на одного. Вдвоем только зря испортим. Три секунды тебе. Берешь?

– Беру, – решительно произнесла она.

– Жир!

– Что?

– Супер. Вау. Бинго! Уговорил. Валяй, сельдь. Пробуй. Горжусь тобой. Только не забывай: ты и так уже за рамками статистики.

– Это как?

– Рыба дольше двадцати пяти лет не живет.

Костя тяжело поднялся и ушел, нарочно громко хлопнув дверью.

* * *

Арина вернулась домой и сразу бросилась к компьютеру. Что еще за таблетки, от которых сознание достигает космических высот? И разве проводят сейчас такие эксперименты? Вроде чем-то подобным занимались гитлеровцы, когда издевались над пленными. Но в наши дни? Да еще по своей воле?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От английского trouble – проблема.

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna-i-sergey/glavnaya-partiya-dlya-tret-ey-skripki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить